

Глава XIII

ТЕХНИКА ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ

Типы изданий

Во введении к данной книге уже говорилось о том, что текстология занимается изучением текста — его истории. Вопросы издания текста — это вопросы практического приложения выводов текстологии. Поэтому настоящая глава «Техника издания текстов» носит дополнительный характер. Мы закончили рассмотрение вопросов текстологии и будем говорить в дальнейшем лишь об одном из ее практических применений. Другие применения текстологии, в частности в литературоведении, должны составить предмет особых работ.

*

Тип издания памятника зависит от того, для чего предназначается издание, и от характера самого памятника. Прежде всего отметим, что издания памятников литературы могут быть предназначены для литературоведов, историков и лингвистов.

Очень часто приходится встречаться с мнениями, что издание древнеславянских текстов должно удовлетворять как литературоведов и историков, с одной стороны, так и языковедов — с другой. Основанием к тому выставляется необходимость экономить труд издателей. Издание памятника, утверждают сторонники этой точки зрения, — дело сложное, весьма трудоемкое и требующее больших затрат. Поэтому необходимо обеспечить такие

способы научного издания памятников, которые могли бы удовлетворить всех работников науки, с тем чтобы не требовались повторные, более точные издания. При этом все различие между изданиями, предназначенными для историков и литературоведов, с одной стороны, и для лингвистов — с другой, сторонники этого мнения видят только в степени точности передачи орфографии и графики рукописей¹. Если историков и литературоведов, — утверждают они, — может удовлетворить не буквально точная передача текста, то лингвистов может удовлетворить только издание текста с полным соблюдением орфографии и последовательной передачей особенностей графики. Указаний на какие-либо другие различия между изданиями лингвистическими и историко-литературоведческими в исследовательской литературе мне не встречалось.

Если дело обстоит действительно так, т. е. если действительно следует экономить только труд издателей, а не труд тех ученых, которые этими изданиями будут пользоваться, и если бы действительно все различия состояли только в степени точности передачи орфографии и графики рукописей, то издавать следовало бы несомненно так, как этого требуют сторонники этой точки зрения: для историков, литературоведов и языковедов одновременно.

Дело, однако, обстоит гораздо сложнее. Прежде всего о принципе экономии. Наука движется путем дифференциации специальностей, возникновения новых специальностей, углубления различий, углубления специфических особенностей методики научных исследований и т. д. Точно так же и в производстве: промышленность увеличивает виды продукции, идя навстречу усложняющимся потребностям людей, а не упрощает эти потребности, идя навстречу экономии затрат производства. Я позволил себе обратиться к примеру производства, так как аргумент сторонников упрощения типов изданий именно «производственный»: он имеет в виду экономию издательских затрат в первую очередь. Отметим и другую непоследовательность в рассуждениях сторонников этой точки зрения: не допуская возможности различать издания, предназначенные для литературоведов и историков, с одной стороны, и для языковедов — с другой, сторонники объединения этих

---

¹ «На протяжении XIX в. в России определились в зависимости от назначения два типа изданий памятников. С одной стороны, это публикации, подготовленные лингвистами и предназначенные для языковедческих исследований, а с другой — издания, подготовленные историками, литературоведами и другими специалистами-нелингвистами и предназначенные для исторических и иных исследований. Различия между этими двумя типами изданий проявлялись и в выборе конкретных рукописей для публикации, и в способах обработки и воспроизведения текста, и в оформлении и составе справочных данных. В публикациях историков и литературоведов факты письма могли передаваться неточно: ради удобочитаемости текста сокращенно написанные слова воспроизводились в полном виде, непонятные для читателя места дополнялись по другим источникам и т. п.» (Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961. С. 4 (Институт русского языка АН СССР)).

изданий допускают, однако, сосуществование разных типов изданий памятников по степени их сложности: научных, учебных, популярных изданий.

При обсуждении вопроса об экономии следует, как мне кажется, помнить и о другом: изданный памятник начинает «жить» в ученых трудах — его цитируют. Об удобствах цитирования в научных трудах необходимо всегда заботиться, издавая памятник. Если памятник издавать со всеми его орфографическими и прочими особенностями — с юсами (а может быть, и с типами юсов — например, с треугольным юсом малым), с йотированными гласными, фитой, ижицей и пр., сохраняя при этом титла, выносные буквы, надстрочные знаки и пр., — то как же его цитировать нелингвистам? Ведь текст придется упрощать, истолковывать, раскрывая титла, сокращения, вносить выносные буквы в строку и т. п. Значит, единого текста не будет, каждый будет производить всю эту работу на свой лад, а некоторые малоопытные в изданиях текстов исследователи начнут еще делать это с ошибками. Где же тут экономия? Лингвисты, может быть, захотят и смогут оставлять в своих исследованиях именно тот текст памятника, который напечатан, но историкам и литературоведам, изданий которых выходит значительно больше, оставлять такой текст с сохранением всех особенностей его публикации будет просто невозможно: иначе придется перестраивать шрифтовое хозяйство во всех типографиях, где только печатаются издания историков и литературоведов. Следовательно, и с точки зрения экономии предложение объединить публикации памятников едиными правилами для литературоведов, историков и лингвистов может быть подвергнуто основательному сомнению.

Практика показывает, что изданиями текстов пользуются многие десятки лет, эти издания обслуживают очень многих ученых, и следует в первую очередь подумать об экономии труда этих ученых, сделать издания удобными в пользовании ими, полностью соответствующими требованиям различных научных дисциплин. Это станет возможным только тогда, когда издания будут иметь вполне конкретного адресата, будут учитывать специфические требования каждой дисциплины. Сторонники общих изданий древних текстов напрасно полагают, что между языковедами, литературоведами и историками может быть достигнуто единство требований, если только историки и литературоведы согласятся пользоваться изданиями «более точными в орфографическом и графическом отношении», чем те, какими они пользовались до сих пор. Эти различия гораздо более серьезны.

В чем же заключаются различия между требованиями к изданиям текста лингвистов, литературоведов и историков?

1. Установление текста производится совершенно различно лингвистами, с одной стороны, и историками и литературоведами — с другой, особенно при наличии многих списков одного памятника. Лингвист кладет в основу издаваемого текста список, наиболее ценный с точки зрения языка; историк и литературовед кладут в основу издания список, выбранный на основании требований своих наук. Историк и литературовед изучают всю историю текста с точки зрения его идейного содержания, исторической зна-

чимости и т. д., у лингвиста более простые требования (язык), но требования эти в подавляющем числе случаев диктуют выбор того или иного списка. Известно, например, что древнейший список очень часто не принадлежит к древнейшей редакции, но он почти всегда будет древнейшим по языку (за некоторыми исключениями).

2. Лингвисты нуждаются в издании текста одного списка — историки и литературоведы издают текст памятника по всем спискам. В гораздо большей степени, чем лингвисты, историки и литературоведы интересуются редакциями, историей текста и понимают историю текста часто на основании своих данных иначе, чем лингвисты (ср. существующие в научной литературе расхождения лингвистов и литературоведов в понимании истории текста Моления Даниила Заточника). Думать, что литературоведы или историки в своем понимании текста и его истории всегда сходятся с лингвистами, нельзя. Пользуясь научным изданием памятника, особенно важно знать, кем приготовлен текст — историком или лингвистом, чтобы правильно представлять себе, из каких данных он исходил, устанавливая текст; эти данные не могут быть целиком изложены в археографическом введении к публикации — надо знать самую методику текстологической работы, которая различна в различных дисциплинах.

3. Решительно отличен у литературоведов и историков, с одной стороны, и языковедов — с другой, выбор разночтений и характер исправлений основного списка. Если включить в разночтения все отличия орфографические и графические, это невероятно загромоздит издание и сделает разночтения фактически недоступными для пользования. Значит, надо разночтения давать выборочно (в большей или меньшей степени), но выбор разночтений у языковедов, историков и литературоведов не будет совпадать (здесь, кстати, намечаются различия и между историками и литературоведами; последних будет, например, интересовать стиль произведения, и они будут выбирать разночтения, этот стиль характеризующие). Требовательного лингвиста, конечно, никакие разночтения не удовлетворят, так как в разночтениях невозможно отмечать все особенности орфографии, титла, выносные буквы и прочее. Лингвист потребует для своих целей издания каждого списка отдельно — и будет прав.

4. Нельзя думать, что самое прочтение рукописи, выполненное историком и литературоведом, сможет удовлетворить лингвиста. Ведь прочтение рукописи есть уже до известной степени ее истолкование. Это особенно ярко проявляется в расстановке знаков препинания, но касается также раскрытия титл, внесения в строку выносных букв, раскрытия сокращений (окончаний «ся» и «сь», «ь» в середине слова и т. д.), а особенно — разделения текста на слова. Бывают и обратные случаи, когда прочтения текста рукописи лингвистом не удовлетворяют историка, когда историк может, со своей точки зрения, точнее прочесть текст, чем лингвист, точнее его реконструировать. Иными словами: историк не может готовить издания для лингвистов, лингвист же — для историков. На данном этапе изучения

памятников предположение, что неспециалисты могут издавать памятники для специалистов, — утопия. Издание Лаврентьевской летописи лингвистом Е. Ф. Карским с точки зрения лингвистов выполнено превосходно, с точки зрения историков и литературоведов оно выполнено плохо, так как Е. Ф. Карский соединил различные памятники¹. Вот почему А. А. Шахматов поступил правильно, издавая Симеоновскую летопись и Ермолинскую только для историков. Для лингвистов их следовало бы издать иначе. Напомню, что некоторые советские историки, надеявшиеся своими изданиями удовлетворить лингвистов, ошиблись в своих надеждах (ср., например, «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.», изд. Института истории АН СССР. М.; Л., 1950). Даже если бы превосходные лингвисты и превосходные историки объединили свои усилия, — все равно при совместной подготовке текста к изданию им пришлось бы встать либо на точку зрения лингвиста и издавать для лингвистов, либо стремиться удовлетворить потребности историков, как это и делал в своих изданиях А. А. Шахматов, каждый раз имевший в виду конкретного адресата. Одним словом, научные издания, как нам кажется, могут быть только целенаправленными. Лишь в очень простых случаях (короткий памятник в одном или двух списках) можно вести работу по подготовке издания, имея в виду интересы нескольких наук одновременно.

Можно было бы привести еще ряд соображений в пользу того, что издания, предназначенные для историков и литературоведов, и издания для языковедов не должны смешиваться, но думаю, что и сказанного достаточно.

Остановимся на типах изданий для литературоведов (типы изданий для историков и для лингвистов требуют особого рассмотрения)². Издания для литературоведов могут в свою очередь разделяться по своим задачам на издания научные и популярные. Научные издания в свою очередь делятся на полные издания по всем спискам и издания одного какого-либо списка. Научные издания по всем спискам — это основной тип научного издания памятников древнерусской литературы. Они ставят себе целью представить

¹ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Учен. зап. Гос. пед. ин-та им. Герцена, 1939, т. 19. С. 183.

² Типы изданий для лингвистов и требования, предъявляемые к ним, разобраны в книге: Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности. М., 1961. (Институт русского языка АН СССР). См. также: М. М. Пещак, В. М. Русанівський. Правила видання пам'яток української мови XIV–XVIII ст. Відповідальний редактор К. К. Цілуйко. Київ, 1961. (Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР); Л. П. Жуковская, С. И. Котков. О публикации памятников русского языка и письменности. — Вопр. языкознания, 1960, № 4.

всю историю текста издаваемого памятника. Поэтому текст должен издаваться во всех его редакциях, а в зависимости от необходимости давать представление и об отдельных видах редакций¹.

Только иногда нет необходимости давать представление о поздних редакциях текста (XIX–XX вв.), особенно если эти редакции возникли в узкой среде, не получили распространения и поэтому не представляют особого интереса для историка литературы. Само собой разумеется, что издание текста во всех его редакциях требует разночтений (смысловых во всяком случае и стилистических — во многих случаях) и должно сопровождаться подробными комментариями и исследованиями. В последнее время такого рода соединение издания памятника с его исследованием получает все большее и большее распространение.

Для того чтобы судить о том, насколько важно одновременное исследование текста с его публикацией, сошлюсь на опыт издания Берлинской Академией наук серии «Немецкие средневековые тексты» («Deutsche Texte des Mittelalters»). Когда они издавались под общим руководством Густава Рете, — это были издания отдельных списков как предварительный материал для будущих критических изданий текста произведений. Это были только аккуратно напечатанные рукописи без всяких исследований. Постепенное и осторожное обращение к критическим изданиям началось в 40-х годах XX в. под руководством нового руководителя этой серии Альфреда Гибнера. Критические приемы издания могут быть отмечены в издании «Ланцелота» (1948 г.), «Младшего Титуреля» Альбрехта фон Шарфенберга (1955 г.) и др. Научный опыт в данном случае подсказал необходимость соединять исследование памятника с его изданием. Огромных предварительных исследований, десятилетий упорного труда потребовало издание сочинений Генриха фон Вельдеке, подготовленное Теодором Фрингсом и его сотрудницей Габриэль Шиб. Исследователями были составлены словари рифм, словари языка, многочисленные комментарии к отдельным произведениям и даже отдельным

---

¹ Печатание текста произведений по нескольким редакциям принято и для произведений нового времени, но в значительно меньшем масштабе, поскольку история текста того или иного произведения в силу развитого авторского начала представляет меньший интерес и обычно суживается до пределов «творческой истории» авторского текста. Если редакции произведений новой литературы и издаются, то только авторские. Так, например, в академическом издании сочинений Н. Г. Чернышевского в т. IX напечатаны две редакции романа «Что делать?». В академическом издании Баратынского под ред. М. Л. Гофмана в двух редакциях напечатаны поэмы «Пиры», «Эда», «Цыганы». П. А. Кулиш в своем шеститомнике сочинений Н. В. Гоголя (1857) напечатал в двух редакциях повести «Тарас Бульба» и «Портрет»; этот же принцип сохранен и в академическом издании писателя. В двух редакциях печатается обычно «Маскарад» М. Ю. Лермонтова — например, в академическом издании сочинений М. Ю. Лермонтова под ред. Д. И. Абрамовича и даже в однотомнике М. Ю. Лермонтова под ред. Б. М. Эйхенбаума и К. М. Халабаева (6-е издание, 1934).

спискам. В 1956 г. вышло, наконец, издание «Легенды о Сервации» этого автора¹. Оно снабжено картой, показывающей распространение культа святых, подробными статьями, словарем и указателем рифм и чтений.

Тип соединения издания памятника с его исследованием представляет серия монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы, издаваемая Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Серия существует с 1955 г. Тогда вышли сразу три книги этой серии: «Казанская история» Г. Н. Моисеевой, «Сказание о князьях владимирских» Р. П. Дмитриевой и «Сказание Авраамия Палицына», подготовленное коллективом авторов (О. А. Державиной, Е. В. Колосовой и Л. В. Черепниным). В том же году в «Трудах Отдела древнерусской литературы» вышла и статья «Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы»², автор которой Р. П. Дмитриева суммировала пожелания к этой серии со стороны Сектора древнерусской литературы.

Серия родилась из определенных научных требований, выдвинутых ходом научных исследований древнерусской литературы, и самый тип книг этой серии вырабатывался постепенно и продолжает вырабатываться и уточняться до настоящего времени³.

Тип книг этой серии вырабатывался не без влияния опыта работы сотрудников Сектора древнерусской литературы над отдельными выпусками «Литературных памятников». В серии «Литературные памятники», как известно, вышли следующие широко объясненные издания памятников древнерусской литературы: «Воинские повести Древней Руси» (1949), «Слово о полку Игореве» (1950), «Повесть временных лет» (1950), «Послания Ивана Грозного» (1951), «Симеон Полоцкий» (1953), «Русская демократическая сатира XVII в.» (1954), «Путешествия русских послов XVI–XVII вв.» (1954), «Повесть о Скандербеге» (1957), «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1949 и 1958), «Повести о Куликовской битве» (1959) и др.⁴

Соединение издания памятника (непосредственно по рукописям) с подробными объяснениями и исследованиями его текста и исторической обстановки его создания оказалось чрезвычайно удобным для читателя и вызвало большую популярность этих изданий. Отмечу, например, что в последних зарубежных исследованиях историков и филологов «Повестью временных лет» постоянно пользуются по изданию в серии «Литературные

¹ *Henric van Veldeke. Sento Servas — Sanctus Servatius. Kritisch hrsg. von Th. Frings u. G. Schieb. Halle, 1956.*

² ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955.

³ См.: Р. П. Дмитриева. Монографические исследования-издания памятников древнерусской литературы. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972.

⁴ См. подробнее: Л. А. Дмитриев. Обзор изданий памятников древнерусской литературы (1917–1978). — Рус. лит., 1979, № 1.

памятники»; широкий интерес возник к «Посланиям Ивана Грозного», к «Хожению» Афанасия Никитина в данной серии. Последние два издания легли в основу изданий иностранных¹.

Дело, однако, не только в том, что соединение издания памятника с его исследованием было у д о б н о для читателя, — это соединение оказалось принципиально правильным и с чисто научной точки зрения. Неустойчивые тексты древнерусских памятников не могли быть научно изданы без соответствующей научной интерпретации текста и его истории. Тексты выступали подчас в совершенно новом виде, препарированные с помощью новой текстологической методики, успешно развивающейся за последние годы в изучении памятников древнерусской литературы². Один из принципов этой новой методики заключается, как мы уже видели выше, в отказе от механических приемов классификации текстов. Текстолог обязан не только приводить факты, но и объяснять их. Ни один текстологический факт не может быть использован, пока не дано ему объяснения. Текстолог должен интересоваться не только тем, ч т о произошло с текстом, но и тем, п р и к а к и х о б с т о я т е л ь с т в а х это произошло и п о ч е м у. Регистрация изменений текста и объяснение этих изменений — не две различные исследовательские задачи, а единая задача, вызывающая необходимость при текстологической работе широкого литературоведческого исследования памятника в целом.

В самом деле, даже простое прочтение текста древнего памятника требует от текстолога известной своей интерпретации этого текста, сказывающейся на каждом шагу текстологической работы, — в разбивке текста на слова, в расстановке знаков препинания, в выборе тех или иных чтений из различных списков и т. д. Все это уже требует своих объяснений, доказательств объяснений, исследования списков, языка памятника, его стиля, исторической обстановки и т. д. Текстология уже в этих элементарных случаях незаметно и органически сливается с литературоведением в целом. При этом изучение памятника должно предшествовать его изданию. Сперва изучить, а потом издать на основе этого изучения — таков принцип советской текстологии. Он диаметрально противоположен укоренившейся в старой, дореволюционной науке практике издавать памятники для их последующего изучения.

¹ Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. Připravil Vincens Lesný. Slovanské nakladatelství. Praha, 1951; Listý Ivana Hrozného. Přeložili Hana Skalová a Bohuslav Ilek. Praha, 1957; The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia. 1564–1579. Edited with a translation and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955; *Ivan le Terrible*. Lettres traduites par Daria Olivier. Paris, 1959; *Ivan den Skraekklige*. Brevveksling med Fyrst Kurbski, 1564–1579. Oversat of Bjarne Nørretranders. Munksgaard, 1959.

² См.: Д. Лухачев. 1) Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1955, т. XIV, вып. 5; 2) Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения. — *Slavia*, 1958, гоđ. XXVII, сеš. 4.

С тех пор как текстология перестала пользоваться механическими и формальными приемами издания текстов, а стала изучать историю текста во всей его сложности, рассматривая при этом историю текста как историю людей, этот текст создававших, текстологические данные оказались исходным материалом для изучения памятника.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими приемами и подсчетами, как это предполагалось текстологической школой К. Лахмана, оказавшей огромное влияние на русскую медиевистику прошлого. Чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты классовой и внутриклассовой борьбы. Текстолог должен вникнуть в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца и тех изменений, которые они вносят в текст; но в еще большей мере он должен знать его идейный строй, его идеологию, а также идеологию «заказчика» переписываемого произведения и т. д.

История текста памятника, воспринимаемая как история идей и вкусов конкретных людей, выступает перед нами в тесной связи с историей всего общества.

Задачи издания и изучения памятника в результате всего этого и объединились и осложнились. Текстология потребовала все более и более интенсивного литературоведческого аспекта, а литературоведение в изучении древних памятников все более стало опираться на конкретный и объективный материал текстологии.

Из всего изложенного ясно, что объединение в одном исследовании текста памятника, его текстологического анализа и литературоведческой интерпретации явилось результатом особого научного направления в изучении наших древних памятников и отнюдь не представляет собой случайности.

Примечательно, что в выпусках серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы были представлены два типа монографий — выполненных одним автором и выполненных группой авторов. Привлечение нескольких авторов к выполнению одной монографии вызывалось необходимостью всесторонне осветить памятник, что не всегда было под силу одному специалисту. В частности, Л. В. Черепнин был привлечен к исследованию «Сказания Авраамия Палицына» в качестве историка: идеология такого сложного и крайне противоречивого политического деятеля, как Авраамий Палицын, нуждалась во внимательной исторической интерпретации. Действительно, «Сказание Авраамия Палицына» является тенденциозным и, в известной мере, автобиографическим документом, составленным человеком, который, находясь на вершине бурных событий начала XVII в., неоднократно менял свою политическую позицию. Его поведение, его изменчивые взгляды нуждались в освещении историком.

В дальнейшем некоторые выпуски этой серии составлялись также коллективно. Так, «Сочинения Ивана Пересветова» готовились в основном историком А. А. Зиминим, для решения же чисто литературоведческой части этой работы были привлечены литературоведы Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, Л. Н. Пушкарев и М. Д. Каган. «Послания Иосифа Волоцкого» готовились тремя исследователями — И. П. Ереминим, Я. С. Лурье и А. А. Зиминим. Первый дал характеристику Иосифа Волоцкого как писателя в той своеобразной манере, которая свойственна только этому исследователю и которая в данном случае оказалась особенно удачной.

Таким образом, серия включает в себя и коллективные и индивидуальные работы. Коллективные исследования организуются только тогда, когда это вызывается требованиями самого материала исследования.

По какому типу строятся отдельные выпуски серии? В «Проекте» серии, опубликованном Р. П. Дмитриевой в т. XI «Трудов Отдела древнерусской литературы», были установлены структура отдельных выпусков, тип и характер входящих в них историко-литературных и текстологических исследований. Практически в процессе непосредственной подготовки отдельных выпусков эта часть «Проекта» постоянно нарушалась. Не нарушались общие требования к исследованию — требования методологические и научно-методические, но построение отдельных выпусков серии различно. Если оставить в стороне первую книгу этой серии «Казанскую историю» как нетипичную, то нужно сказать, что издания памятников выполнялись всюду на основании всех доступных списков и по всем редакциям с учетом современной текстологической методики. Исключение составляет только «История Иудейской войны» в древнерусском переводе — памятник большой и поэтому затруднительный для издания по всем редакциям.

Публикации текстов предшествуют исследования. Число этих исследований, вопросы, в них затрагиваемые, совершенно различны и зависят исключительно от того, в освещении каких сторон больше всего нуждается памятник. Так, памятник переводный и чрезвычайно важный с точки зрения истории русского языка, искусства перевода и художественной стилистики — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе — по вполне понятным причинам не сопровождается историческим исследованием, но зато имеется исследование языка и перевода. Книга, посвященная первой пьесе русского театра «Артаксерксову действию», также не имеет исторического исследования (оно было бы в данном случае совершенно излишним), но имеет исследование текстологическое и театроведческое. Тесно связанное с историческими событиями и официальной идеологией русского правительства XVI в. «Сказание о князьях владимирских» исследуется в органическом единстве своих текстологических и исторических данных. В нем не выделялись отдельно исторические части исследования, хотя историческое изучение и занимает в книге большое место.

«Повесть о Сухане» — замечательное произведение XVII в., открытое В. И. Малышевым в единственном списке, сопровождается полным фототи-

пическим воспроизведением всей единственной рукописи этого произведения, что вполне закономерно для данной книги и чего, конечно, не стоило делать в других, менее ответственных случаях. Это же издание включает в себе материалы для будущих исследователей: транскрипции текста «Повести о Сухане», былины о Сухане, полную библиографию и т. д.

Не буду приводить еще других примеров различия в структуре отдельных монографий; важно, что эти различия диктуются требованиями материала. Отличие данного жанра литературоведческих монографий от других литературоведческих жанров определяется следующими признаками: все книги серии исследуют памятник или группу памятников на основе текстологического анализа всех списков с установлением истории текста памятника там, где это возможно; а основой для литературоведческого анализа текстологического материала служит его марксистский анализ на базе изучения исторической действительности своего времени.

Большое значение придается единообразию технического оформления подготовляемого к изданию текста. В «Проекте» издания памятников древнерусской литературы, опубликованном в XI томе «Трудов Отдела древнерусской литературы», приведены подробно разработанные правила публикации текстов. Здесь и правила передачи текста, и правила печатания произведений с разбивкой на редакции, виды, изводы, и правила подведения разночтений, составления подстрочных примечаний, пользования шрифтами и т. д.

Подробная разработка правил издания текстов очень важна. Читателю обычно бывает трудно запомнить все многочисленные приемы, которыми различные публикаторы пользуются по-разному, и если не ввести строгого единообразия в техническое оформление всех изданий серии, то смысл многих из применяемых приемов публикации попросту будет утрачен и не воспринят читателем. Надо, чтобы техническое оформление передачи текста стало привычным для читателя, чтобы значение курсива, прямых, круглых или угловых скобок, условных сокращений, отдельных способов подведения разночтений и многое, многое другое воспринималось читателем непосредственно, без того, чтобы ему приходилось каждый раз обращаться к «правилам издания», которые по необходимости не могут быть слишком пространными.

В основном выработанные в «Проекте издания памятников древнерусской литературы» правила публикации текстов неукоснительно соблюдаются, причем правила эти, поскольку они удобны и хорошо обоснованы, распространились и на другие издания по древнерусской литературе, в частности на публикации текстов в «Трудах Отдела древнерусской литературы».

Надо, однако, сказать, что правилами публикации текста не исчерпываются текстологические приемы исследователей. Многие из этих приемов подчиняются не правилам, а текстологическим убеждениям исследователей и зависят от характера материала. Поскольку в текстологии не достигнуто еще единства взглядов на многие вопросы, а круг памятников, издаваемых в

серии, очень разнообразен, полное текстологическое единообразие в серии отсутствует. Все исследователи, публикующие свои работы в серии, одинаково убеждены в необходимости исследовать историю текста, в том, что история текста есть плод прежде всего сознательной и целенаправленной деятельности людей, а не простой порчи текста переписчиками; все они предпочитают историческую классификацию текстов формальной и т. д.; но не все исследователи одинаково относятся к реконструкции текста — частичной или полной, к значению так называемых индивидуальных чтений и т. д. В результате в серии есть издания, точно воспроизводящие тексты списков, и есть издания, реконструирующие архетипы, вводящие в текст «лучшие чтения» или ограничивающиеся только самыми необходимыми поправками. В виде опыта в серии допускается и то, и другое. «Сочинения Ивана Пересветова» изданы со включением в текст «лучших» чтений и исключением чтений индивидуальных. Древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия частично реконструирует архетип. Этого не допускают издания «Сказания о князьях владимирских» или «Валаамской беседы».

Научные споры здесь продолжаются, и непосредственная работа над подготовкой памятников к изданию позволит решить многое. Серия отражает научные искания, стремится прокладывать новые пути в изучении древней русской литературы на строго научной основе. Используя огромные достижения старой филологической науки и вводя новые принципы марксистской методологии, серия приближает исследования к принципам подлинного историзма, порывая с механистичностью приемов старой текстологии, связывая текстологические исследования с литературоведческими.

Мне остается сказать о выборе тем для отдельных выпусков. В «Проекте издания памятников древнерусской литературы» говорится: «Выпуски серии посвящены в первую очередь лучшим произведениям в художественном и идейном отношении и произведениям, имеющим большое историко-литературное значение». Требования нашей науки внесли в это положение существенные поправки.

В целом в серию монографических исследований памятников древнерусской литературы в первую очередь включаются те произведения, которые нужны для науки и до сих пор не исследованы или исследованы мало и с неверными выводами.

Отдельные выпуски посвящены: впервые найденным произведениям, как «Повесть о Сухане»; произведениям во вновь найденных лучших списках, восполняющих дефекты ранее известных, например древнерусскому переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и первой пьесе театра Алексея Михайловича «Артаксерксово действо»; новому составу сочинений Ивана Пересветова и Иосифа Волоцкого, и т. д. Каждый выпуск в той или иной мере уточняет перспективу исторического развития древней русской литературы, в целом установленную еще дореволюционным русским литературоведением. В этом исправлении исторической перспективы особенно

нуждается литература XVI и XVII вв., поэтому неудивительно, что большинство выпусков посвящено произведениям именно этих веков¹.

Между научным изданием произведения по всем спискам и научным изданием одного списка произведения бывает довольно много промежуточных форм. Эти промежуточные формы не являются каким-то особым типом издания памятника: чаще всего они — результат незавершенности работы по изданию. Так, М. О. Скрипиль издал в «Трудах Отдела древнерусской литературы» первую редакцию «Повести о Петре и Февронии Муромских», не издав всех остальных. Иногда издание выходит без исследования (текстологического и историко-литературного): ср. издание Н. Н. Зарубиным «Моления Даниила Заточника» и пр. Останавливаться на этих незаконченных изданиях и видеть в них особый тип издания нет смысла: форм этих незаконченных изданий может быть столько же, сколько может оказаться форм текстологических недоделок.

Перейдем к научным изданиям одного списка. Здесь следует различать издание текста списка от факсимильных изданий самого списка — его рукописи.

Издания текста списка очень многочисленны. По существу, это не издание памятника, а лишь публикация материалов к изданию². Издавать текст — это значит устанавливать текст памятника и его историю. Публиковать же список — это воспроизводить его без оглядки на другие списки. Отдельные списки памятника обычно именно публикуются. Если списков памятника много, а исследователь обнаружит только один из его списков, то это обычно делается в целях предварительного извещения ученых о новой находке. Поэтому текст одного списка при своей публикации должен быть воспроизведен возможно точнее. Во вступительной статье публикатор обязан указать на основные отличия обнаруженного им текста от других, уже известных текстов данного памятника, но подводить к этому тексту варианты, т. е. делать его основным списком издания, было бы неправильным. В редких случаях разночтения могут оказаться нужны: если бы это было наиболее удобной формой демонстрации отличий публикуемого списка от

¹ Характеристику этой серии см. в статье Д. С. Лихачева «Серия монографических исследований памятников древнерусской литературы» (Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1960, т. XIX, вып. 3), в статье Р. П. Дмитриевой в Археографическом ежегоднике (см. выше, с. 476) и в польском журнале «Studia Źródłoznawcze» (1959, IV) в рецензии на статью «Проект монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы» (ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955), принадлежащей перу А. Поппе (And. Poppe), а также в статье: M. Woltner. Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung, Teil IV. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1958, Bd XXVII, H. 1, S. 195–197.

² А. Дэн видит принципиальное отличие публикаций текста от его изданий. Публикация текста — это его воспроизведение без изменений, издание же текста — это научное установление текста памятника («éditer un texte, c'est essentiellement retrouver une tradition»: A. Dain. Les manuscrits. Paris. 1949. P. 169).

других. В этом случае подбор разночтений и самый их характер резко отличен от разночтений, применяемых в обычных изданиях по многим спискам. Часто, однако, в этих дипломатических изданиях господствует грубый позитивизм издателей; исследователи облегчают себе работу, издавая тексты по одному списку и отказываясь от исследования истории текста памятника и от задач установления текста.

В последнее время за рубежом все чаще и чаще применяются издания по одному списку. Объясняется это распространение изданий по одному списку разочарованием в критических изданиях в результате затянувшегося спора между сторонниками текстологических приемов К. Лахмана и сторонниками Ш. Бедье¹. Обе стороны сумели достаточно дискредитировать друг друга, не создав новой положительной методики научного издания текста по многим спискам.

Ввиду того что изданиями текста памятника по одному списку текстологи часто злоупотребляют и прибегают к этому виду публикации единственно из желания облегчить себе работу, остановимся несколько подробнее на вопросе о том, в каких случаях подобного рода издания могут считаться правомерными. Прежде всего такие издания по одному списку часто могут быть оправданы лингвистическими целями издания. Издается древнейший, датированный, хорошо сохранившийся список в целях изучения его языка. Литературная история памятника, фиксация изменений его текста в данном случае могут быть и не нужны.

Иное дело с изданиями, предназначенными для литературоведов и историков. Допустим, что исследователь нашел новый и важный список памятника, который уже перед этим был издан вполне удовлетворительно по всем спискам. Найденный им список не разрушает системы издания, принятой его первым научным издателем, а лишь дополняет старое издание. В этом случае достаточно издать новый список, исследовав его отношение к уже изданным спискам.

Допустим, однако, что памятник известен по нескольким спискам, предшествующего научного удовлетворительного издания памятника по всем спискам нет. В этом случае текстолог должен поставить перед собой вопрос и достаточно четко на него ответить читателям: почему он издает только один новый список, не предпринимая полного нового издания памятника по

---

¹ Об этом споре см. выше (с. 14 и сл.) и в статье: Д. Лихачев. Кризис современной зарубежной механистической текстологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1961, т. XX, вып. 4. — Ш. Бедье предпочитал издание текстов по одному списку. По этому поводу А. Кастеллани пишет: «Текст, изданный по одному списку, лучше сохраняет свой дух. Язык, на котором он написан, не является плодом гипотезы: даже если он смешан, его происхождение обусловлено исторической реальностью. В этом я совершенно согласен с Ш. Бедье» (*Arrigo Castellani. Bédier avait-il raison? La méthode de Lachmann dans les éditions de textes du moyen âge. Fribourg, 1957. P. 51. (Discours universitaires. Nouvelle série, 20)*).

всем известным спискам. Некоторым оправданием текстологу могут служить только следующие соображения: взаимоотношения всех сохранившихся списков памятника исследованы и установлены, издаваемый список занимает строго определенное положение и текст его имеет самостоятельное значение (например, список принадлежит к первой редакции и является древнейшим по тексту), другие списки памятника имеют гораздо менее важное значение. Все же и в данном случае текстолог должен поставить перед собой вопрос — почему же не издать памятник по всем спискам?

От обычных предварительных изданий по одному списку следует отделять издания одного списка дипломатическим способом.

В дипломатических изданиях текста документ воспроизводится средствами типографского набора с максимальным приближением ко всем особенностям оригинала. «Узнать» в подлиннике все буквы и знаки, определить их взаимоотношение — в ряде случаев задача, совершенно необходимая для будущих истолкователей текста. Практика показывает, что дипломатические издания — один из самых сложных способов воспроизведения текста и одновременно наиболее «долговечный». Он требует от археографа превосходного знания языка памятника, огромного опыта чтения рукописей, умения определять значение отдельных графических деталей, которые в иных типах изданий обычно опускаются, определять сокращения и выносные буквы, старую пунктуацию, расположение строк и т. д.

Дипломатические издания, выполненные в свое время А. А. Шахматовым, П. Симони, Е. Ф. Карским и А. С. Лаппо-Данилевским, представляют очень большую ценность для историков, лингвистов и литературоведов, позволяя вести работу по углубленному толкованию памятников. Естественно, что дипломатические издания совершенно необходимы для наиболее важных памятников, известных в одном списке («Повесть о Горе-Злочастии», «Песни, записанные для Ричарда Джемса», «Повесть о Сухане» и пр.), и для наиболее значительных списков наиболее важных памятников, известных во многих списках («Русская Правда», «Повесть временных лет» и т. д.). В этих наиболее значительных памятниках имеет значение каждое слово, каждый знак.

Близко по целям издания к изданиям дипломатическим стоят издания факсимильные, воспроизводящие не только текст, но и самую рукопись. Факсимильные издания предназначаются для самостоятельных изысканий исследователей, которые стремятся изучать текст в возможно более приближенном к рукописи виде, а некоторые из них — и для того, чтобы сохранить внешний вид разрушающейся рукописи на долгие годы (уже сейчас в наших рукописных хранилищах есть рукописи, о внешнем виде которых в отдельных их частях могут дать лучшее представление фотографии, снятые с них в начале XX в.). Факсимильные издания могут быть очень различны: это могут быть издания фотографические (ср., например, фотографическое издание «Кондакаря XII века» под редакцией М. И. Бражникова, выполнен-

ное Публичной библиотекой в Ленинграде в 1955 г.)¹, фототипические, автотипические, цинкографические и др. Техника воспроизведения играет в этих изданиях доминирующую роль. Каждый вид воспроизведения имеет свои преимущества и свои недостатки.

Описание различных способов факсимильных изданий не входит в задачу данного труда. Это завело бы нас далеко в сторону, в область полиграфического искусства². Издатель факсимильных воспроизведений и исследователь, пользующийся ими, обязаны знать технику этих факсимильных воспроизведений и те различные недостатки, которые в них могут встретиться. Обычные представления о том, что факсимильные воспроизведения полностью заменяют рукопись, ошибочны. Факсимильные воспроизведения, во-первых, не дают представления о материале, на котором написан текст, о водяных знаках на бумаге, о выделке пергамена, о цвете (даже цветные воспроизведения искажают цвет) букв (из-за этого могут пропасть киноварные выделения, не быть определены поправки, поновления и пр.), в них могут быть ошибки ретуши, поля рукописи и имеющиеся на них исправления могут оказаться срезанными, в факсимильных воспроизведениях может исчезнуть тот или иной лист, страница, тыльная сторона переплета может быть принята за лист; в них могут чересчур выступить одни части текста и исчезнуть другие; может выступить просвечивающий оборот листа; трещины (в берестяных грамотах) и грязные пятна слиться с буквами, показаться их продолжениями и т. д. и т. п.³ Передержка при фотографировании может изменить характер почерка: тонкие линии могут выйти на передержанной фотографии толстыми; в результате недодержки могут совсем не выйти тонкие линии, карандашные отметки. Сравнительно с подлинной рукописью в факсимильном издании последовательно наслоились: дефекты фотографии и ретуши, дефекты клиширования, дефекты печатания (плохая приправка, плохая типографская краска, особенности бумаги; затемнить оттиск может то, что печатник его смажет, блеклость создается присыпкой и т. д.).

¹ Благовещенский Кондакарь. Фотовоспроизведение рукописи. Министерство культуры РСФСР. Гос. Ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Л., 1955; тираж 10 экз. Отметим, что обычные микрофильмы, фотографии, ротокопии с рукописей в известном смысле также могут рассматриваться как издания текста, но издания с тиражом в 1 экземпляр...

² Описания различных способов воспроизведения оригинала см. в специальных пособиях по полиграфическому делу (например, в книге: Ю. Лауберт. Фотомеханические процессы. М., 1930; см. также: Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. С. 56–57).

³ Так, например, в фотомеханическом воспроизведении первого издания «Слова о полку Игореве» (М., 1920) довольно много ошибок. См. об этом рецензию Н. Кашина (Книга и революция, 1921, № 10–11. С. 40). См. также: Л. А. Дмитриев. Факсимильные издания «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.; Л., 1958. С. 78–79.

Предпринимая факсимильное издание или пользуясь им, необходимо помнить следующее. Факсимильное издание может в известной мере заменить рукопись. Оно может даже заменить глаз ученого и дать больше, чем обычная рукопись, если в ее основу положены усиленные или увеличенные фотоснимки, сделанные особым образом и восстанавливающие выцветший текст или текст палимпсестов. Однако факсимильное воспроизведение бессильно заменить ум ученого, его исследовательскую мысль, без которой, конечно, настоящее научное издание невозможно¹.

По существу, текст факсимильных изданий остается в них непрочтенным и неустановленным. Читателю предлагается сырой материал. Тем не менее издания эти, как мы уже отмечали выше, очень нужны: 1) для того чтобы дать представление о рукописи (сохранить внешний вид рукописи при опасности ее уничтожения) и 2) для воспроизведения спорных для прочтения текстов.

Иногда типы изданий могут совмещаться. Так, издание берестяных грамот, подготовленное А. В. Арциховским², удачно соединяет издание факсимильное, дипломатическое и критическое.

Все три вида издания совершенно необходимы для этого ценнейшего исторического источника. Факсимильное, дипломатическое и критическое издания текста соединяет в себе издание «Повести о Сухане», выполненное В. И. Малышевым³. То же совмещение нескольких видов изданий встречаем мы и у П. Симоны⁴, и в некоторых изданиях памятников древнерусской литературы⁵. Во всяком случае, ввиду указанных выше дефектов факси-

¹ См. подобные издания: Мерило праведное по рукописи XIV века. Изд. под наблюдением и со вступительной статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961; Новгородская харатейная летопись. Изд. под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1964.

² А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

³ В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956.

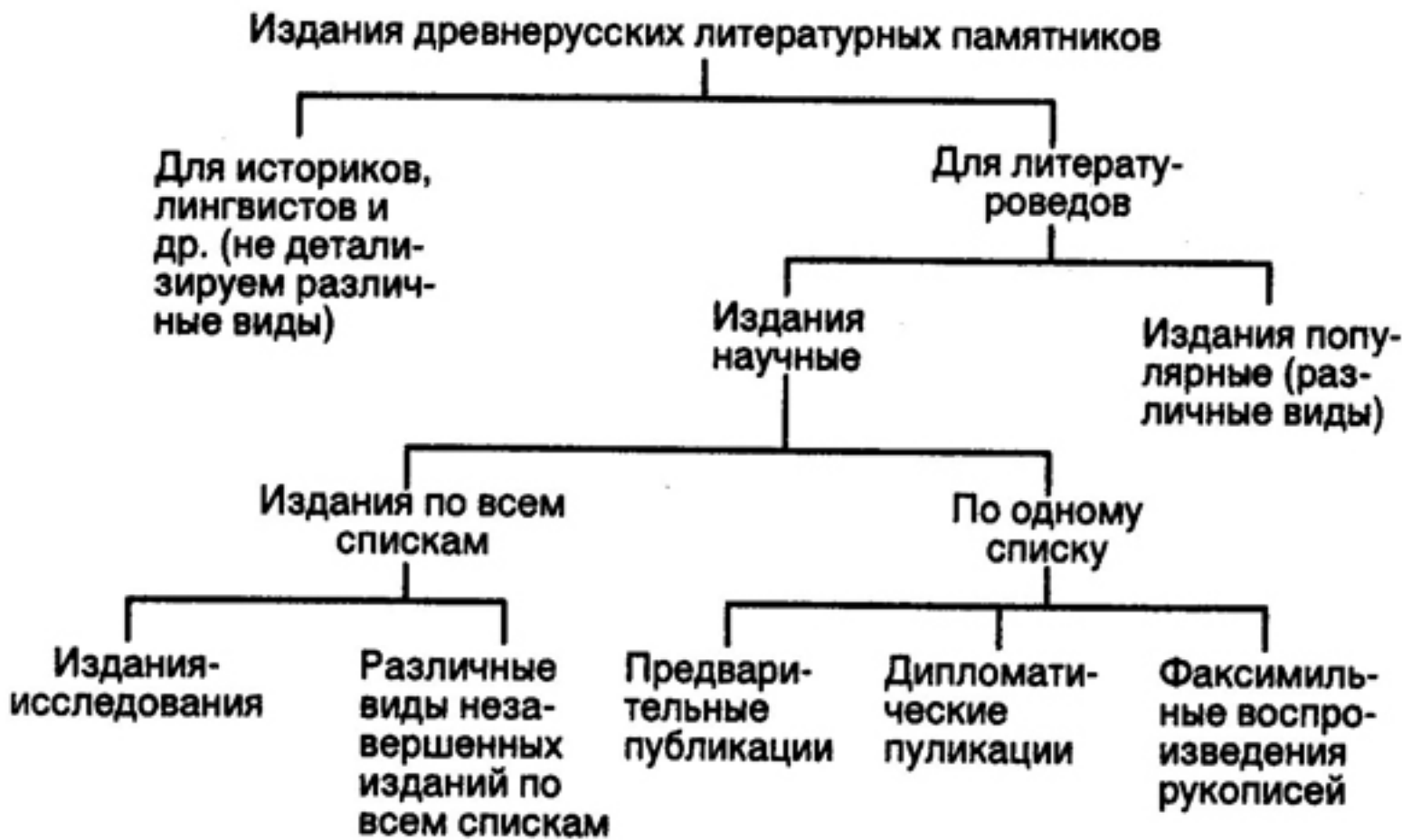
⁴ П. Симоны. 1) Великорусские песни, записанные в 1619–1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907; 2) Повесть о Горе-Злочасти, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. СПб., 1907; 3) Задонщина по спискам XV–XVIII столетий. Задонщина по Кирилло-Белозерскому списку 1470 г. Пг., 1922.

⁵ См., например: Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. Подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. М., 1961; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Елифания. Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975.

мильных изданий их соединение с одним из других видов изданий в настоящее время следует признать обязательным.

Популярные издания древнерусских памятников наиболее разнообразны. Они разнообразны в зависимости от степени популярности и от назначения: могут быть издания для учебных занятий в вузах (хрестоматии, сборники), для внеклассного чтения в школе, для массового читателя и пр. Разбор всех этих видов изданий не может входить в задачу данной книги. Отмечу только, что текст в этих изданиях не может издаваться по случайному списку; он должен быть установлен по всем спискам на основе введения в текст основного списка исправлений по другим спискам той же редакции. Выбор редакции для издания зависит и от назначения издания, и от характера истории текста.

Итак, предлагаем следующую схему типов изданий:

Предложенное нами деление изданий текстов в известной мере развивает то, которое утвердилось и в мировой науке. Так, бельгийский ученый Франсуа Масэ предлагает следующее деление изданий на типы:

«1) издание критическое, пытающееся использовать все документальные данные, чтобы восстановить прошлые этапы истории текста и по возможности оригинал списков;

2) факсимильное издание, механически воспроизводящее документы;

3) издание дипломатическое, или археографическое воспроизведение текстов»¹.

Я не указываю здесь классификаций изданий по методам, которыми они выполнены². Такого рода классификации важны для историков науки, но не в практических целях издания текстов, так как перед каждым текстологом стоит вопрос выбора одного метода издания текстов и этот выбор должен быть совершен раз и навсегда.

Итак, выбор типа издания зависит от целей издания и от характера памятника. В зависимости от целей издания и от характера памятника должны быть продуманы и приемы издания. Ни одно издание не должно быть механически подчинено трафарету.

Вопрос о «каноническом тексте»

Вопрос о «каноническом тексте» литературных произведений дебатруется столь часто в работах и даже газетных статьях текстологов, занимающихся литературными произведениями нового времени, что выразить свое отношение к этому вопросу текстологу древнерусских памятников совершенно необходимо.

Термин «канонический текст» заимствован литературоведами нового времени у богословов. Под этим термином богословы подразумевают тот

¹ *François Masai*. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — *Scriptorium*, 1950, vol. 4, № 1–2. P. 178.

² Пример такой классификации дает Холмз в рецензии на книгу А. Кастеллани: «There are four possibilities, in the main: (1) to follow the Lachmann method; (2) to use the Bédier system, choosing the best manuscript and correcting only obvious errors; (3) selecting the best manuscript as a base, to allow oneself considerable correction from other manuscripts, and even subjectively according to what the editor thinks the author intended — provided all this is well marked in the footnotes or variants; (4) to make a diplomatic text, reproducing irregularities, abbreviations, etc., as closely as this can be done with printed type» (*Urban T. Holmes*. Рец. на кн.: *A. Castellani*. *Bédier avait-il raison?* Fribourg, 1957. — *Speculum*, 1958, October. P. 527–528). О классификации типов изданий см. также интересные соображения в книге: *K. Górski*. *Sztuka edytorska. Zarys teorii*. Warszawa, 1956, S. 164–197. Ср.: *G. Witkowski*. *Textkritik und Editionstechnik neuerer Schriftwerke. Ein methodologischer Versuch*. Leipzig, 1924.